

Игра в поддавки

Святой долг цивилизованной женщины состоит в том, чтобы не превосходить мужчину. До сих пор многих из них независимая женщина пугает, умная раздражает, а сильная подавляет и напрягает.

Но можно ли не превзойти человека, который не хочет напрягаться? Можно. Если сыграть с ним в поддавки. Эта занимательная игра расслабляет и отвлекает его от тяжелой мужской доли — служения цивилизации (и помогает "соответствовать" придуманному им образу "настоящего" мужчины).

Тех женщин, которые отказываются играть в поддавки с мужчинами и этим мешают им расслабляться, называют по-разному, но смысл всех названий красноречиво сводится к одному: все они — амазонки.

Современные амазонки уже не стреляют из лука и почти перестали метать топоры, но они по-прежнему не боятся быть собой, то есть превосходить, раздражать, пугать и нервировать. Они не боятся ответственности за свои поступки и их последствия. А когда люди перестают бояться самих себя, они начинают возвращение к врожденному, но утраченному в течение жизни состоянию, которое называется счастьем.

Счастью долго не поддавалось научному определению: с философской точки зрения оно было иллюзией, с бытовой — везением и удачей. И только совсем недавно ученым удалось, наконец, установить, что это такое на самом деле.

И оказалось, что счастье — это чистой воды химия.

Это открытие произошло в 1970-х совершенно случайно: экспериментируя с системой иглоукалывания, ученые определили: иглы теряют безболезненность после ввода в организм блокиратора анальгетиков. Но сам анальгетик в организм не вводился. Возник вопрос: что же блокировал блокиратор, если блокировать ему было нечего?

Ответ на этот вопрос и стал сенсацией: оказывается, наш организм способен самостоятельно производить наркотический анальгетик, то есть морфин. Этот гормональный морфин встал в один ряд с уже известным гормоном адреналином, обостряющим творческие способности. И с серо-

* Под псевдонимом Элана публикует прозу психолог, одесситка, работающая в Вашингтоне. Предлагаем читателям главу из ее новой книги, готовящейся к печати в Одессе.

тонином, стимулирующим положительные эмоции. И с допамином, вызывающим удовольствие...

И так шаг за шагом наука доказала, что счастье — это химическая мозаика, все компоненты которой действительно даются нам природой от рождения.

Но если счастье спрятано внутри нас самих, почему же всю жизнь мы ищем его снаружи: в деньгах, вещах, других существах? Или в алкоголе и тех же наркотиках? Может, потому что, как утверждал Геродот, "боги не любят счастливых людей"? В какой-то момент истории люди, желая угождать богам, перестали обходиться внутренним ресурсом и занялись внешним поиском. И с тех пор чем упорнее они ищут счастье извне, тем меньше находят.

Результатом этого становится психическое расстройство, которое называется депрессией. Оно буквально косит население цивилизованных стран, доказывая: все успехи цивилизации, призванные сделать нашу жизнь комфортабельнее и счастливее, на самом деле активно способствуют обратному. Парадокс это или закономерность?

Мы привыкли считать цивилизацию явлением положительным, неким источником культуры и гуманизма. Но к гуманизму она не имеет никакого отношения: слово "*цивилизация*" произошло от латинского слова *civitas* — "*государство*", которое, как уже известно, является аппаратом подавления.

Но все-таки, подавления чего именно?

В цивилизованном обществе человек может успешно функционировать, только постоянно подавляя свои естественные импульсы и эмоции. Таким образом, *цивилизация — это подавление естественной природы*. Как раз поэтому долг цивилизованной женщины и состоит в том, чтобы не подавлять мужчину своим естественным природным превосходством.

Долг этот достаточно трудноисполним, из-за того что никакие сложные законы цивилизации до сих пор не изменили простого закона природы: власть животворения дана только женскому полу и земле. Эта власть недоступна мужчинам и остается для них тайной за семью печатями. Той самой тайной, которую они всегда стремились разгадать и присвоить.

Чтобы проще было присвоить, сначала нужно обесценить. Чтобы обесценить — сначала нужно подавить. Государство, подменяя мать, само заботится о своих "детях": разрушив матриархальные общины и единое хозяйство, оно выставило себе на стражу свои ценности — иерархию и дежурную систему.

Именно эта система способствует подмене внутреннего счастья на внешнее, на то, которое стимулируется внешними атрибутами: вещами, деньгами, землей и даваемым их количеством социальным статусом. Внутреннее счастье рождалось от ощущения себя и общества частями единой природы. Это ощущение было грубо подавлено и заменено на счастье внешнее, даваемое осознанием своего превосходства над природой и над обществом. Из состояния, с которым человек рождается и живет, счастье превратилось в редкий момент, вспышку. Даже сегодня ребенок появляется на свет с врожденным чувством постоянного счастья и теряет его по мере взросления, то есть с возрастанием давления на него цивилизации.

Денежно-товарная цивилизация подавляет природное счастье потому, что это состояние ей невыгодно: оно не стимулируется денежно-товарными приобретениями. Системе, которая концентрируется на количестве, а не на качестве, невыгодны счастливые люди, потому что они "часов не наблюдают". А если люди не станут покупать часы и остальные ненужные им товары, то система захлебнется.

Потому государство выставило себе на стражу социальную иерархию и денежную систему. И "кормильца"-отца. Если лишённая тайны мать даёт молоко, — то он даёт добычу. Он — Добытчик, и потому победитель.

Победителей история не судит, потому что именно они — победители — пишут эту историю, и пишут они её так, чтобы судить их было не за что. И только когда победители теряют свои позиции и переходят в разряд побеждённых, частичная правда о них всё-таки доходит до нас.

Это верно и в масштабе семьи, и в масштабе государства. Вся история цивилизации и любые написанные по этой истории книги — это описания возвышений и падений государств: Римской империи, Египта, Ассирии, Золотой Орды... Их так называемые "нецивилизованные" орды на самом деле разносили по Земле именно цивилизацию, потому что цивилизация — это государство, государство — это порядок, а кочевые орды были единственными на то время сообществами, подчинявшимися строгой воинской дисциплине.

"Слово *"орда"* до букв совпадает с латинским словом *"ordo"*, откуда корень *"ord-*" перешёл в западноевропейские языки... и во всех этих языках это слово означает ряд, порядок, а если мы вспомним значение слова *"орда"* в смысле *"войско"*, то войско, эффективно воюющее, — это, безусловно, войско предельно упорядоченное".

Именно от таких упорядоченных орд и защищали людей стены, которые они начали возводить вокруг своих деревень на определенном отрез-

ке истории. Точнее, не на отрезке, а в самом начале истории, которая, как известно, родилась вместе с письменностью.

Историю пишут победители: письменность — один из видов их оружия. Военные победители изобрели буквы, потому что военные приказы должны исполняться с буквальной точностью.

Главной ценностью дописьменных общин было общение — то есть живой разговор. Качество этого разговора и составляло культуру народа. Как мертвый заменитель живого общения письменность необходима цивилизации для активной пропаганды "своих" ценностей, которые всегда имели мало общего с ценностями истинными.

Таким образом, письменность — это победа громкого количества над тихим качеством, то есть победа цивилизаций над культурами.

Но побежденные всегда представляют для победителей потенциальную угрозу — угрозу поменяться с ними местами. Письмо же создает иллюзию окончательного уничтожения соперника, производя, так сказать, контрольный выстрел в голову. Только не пулей, а буквой.

Производится этот выстрел по-разному. Во-первых, язык победителей подавляет язык побежденных, как разговорный, так и письменный. Например, когда-то на острове Лемносе скрывались от греков последние из побежденных ими пеласгов (народа-предка писательницы Коринны). Согласно Геродоту, на этом острове пеласги сохраняли свой язык еще долго, после того как утратили его в Беотии.

Однако их надпись сделана не пеласгскими буквами, а древнегреческими. Эта надпись до сих пор не расшифрована, а так как Лемноская стела является единственным сохранившимся памятником пеласгского языка, то можно утверждать, что греческие победители достигли-таки своей цели.

Во-вторых, записанная история легко корректирует неписанные факты под интересы пишущих, меняя дату события, его контекст и интерпретацию. "Что написано пером — не вырубишь топором", и последующие поколения уже искренне принимают художественный вымысел за документальный факт.

И в-третьих, письменность сама по себе является мощным идеологическим инструментом товаро-денежной цивилизации. Когда-то идеология эта прикрывалась религией. Три мировые религии развили и сформировали три системы письменности: католицизм — латиницу, православие — кириллицу, а ислам — арабскую вязь. Исламские направления шиизм и суннизм развили два разных вида вязи.

Сегодня только вязь продолжает "обязывать" людей религией. Латиница же одаривает народы уже не католицизмом, а капитализмом. Филиппины, Индонезия, Малайзия, Корея, Вьетнам, а также исламская Турция и православные Румыния, Чехия и Хорватия широко пользуются латиницей.

В начале XX века важным идеологическим инструментом стала наша кириллица. В качестве официального алфавита коммунизма она начала тогда победный скак по Восточному полушарию: на кириллицу перешли народы Северного Кавказа, Средней Азии, Поволжья, Крайнего Севера, Сибири, на кириллицу перешла Монголия.

А после 1991 г. многие страны кириллицы (Молдова, Черногория, Монголия, страны Средней Азии) переметнулись в лагерь латиницы, рекламирующей товаро-денежные ценности "западной цивилизации".

Реклама — двигатель торговли. Цивилизованные женщины являются главными потребителями товаров, производимых цивилизацией. Таким образом, умело ассоциировав шопоголию с исконным занятием женщин — собирательством, цивилизация поставила не только мужчин, но и женщин на стражу своей незабываемости и заставила их самих закрыть себе путь к счастью.

